
ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008

DOI: 10.31249/hoc/2022.04.01

*Глухов С.В.**

КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ Э.Б. ТАЙЛОРА: ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ

Аннотация. Данная статья посвящена малоизученной и плохо освещаемой как в отечественной, так и в западной науке теме – пережиточным культурным формам. Она призвана частично восполнить этот пробел и должна стать первой в ряду подобных работ. Это станет возможным только в результате внимательного анализа произведений культуролога Э.Б. Тайлора, который хотя и не был первооткрывателем пережиточных форм, но значительно продвинулся в их описании.

Ключевые слова: культурные пережитки; пережиточные культурные формы; преемственность и развитие в культуре; Э. Тайлор; социокультурные системы; диффузия; эволюция; привычка.

Поступила: 15.06.2022

Принята к печати: 20.07.2–22

* *Глухов Сергей Викторович* – младший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, e-mail: sglukhov@mail.ru

Glukhov Sergey Viktorovich – a Junior Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: sglukhov@mail.ru

Glukhov S.V.

The survivals of E.B. Tylor: an attempt at classification

Abstract. This article is devoted to a poorly covered topic in both domestic and Western science – survival cultural forms. It is designed to partially fill this gap and should be the first in a series of similar works. This will become possible only as a result of a careful analysis of the works of the culturologist E.B. Tylor, who, although he was not the pioneer of survival forms, made significant progress in their description.

Keywords: survivals; continuity and development in culture; E. Tylor; socio-cultural systems; diffusion; evolution; habit.

Received: 15.06.2022

Accepted: 20.07.2–22

Для цитирования: Глухов С.В. Культурные пережитки Э.Б. Тайлора: попытка классификации // Вестник культурологии. – 2022. – № 4(103). – С. 10–25. DOI: 10.31249/hoc/2022.04.01

Введение

Эдвард Бернетт Тайлор – английский культуролог и эволюционист, чья научная деятельность приходится на середину и конец XIX в. Пережиточные культурные формы (или просто «культурные пережитки»), согласно определению Тайлора, это особые феномены культуры. В силу человеческой привычки они были перенесены из одной стадии культуры, являясь ее естественной частью, в другую стадию и остаются живым свидетельством или памятником прошлого.

Эволюционные взгляды английского ученого базировались на представлении о стадильности культуры. Такого рода мировоззрение было свойственно многим ученым XIX в. и продолжает пользоваться некоторой популярностью и сейчас. Эволюционисты предполагали, что существует магистральная линия развития человеческой истории. Она начинается с «дикарства», продолжается «варварством» и заканчивается «цивилизацией». На стадии «дикарства» человечество пользовалось несовершенными техническими средствами, грубым языком и мифологическими верованиями. На стадии «варварства» человечество открыло для себя городскую жизнь и монотеистические религии

(также развивались техника и язык). На стадии «цивилизации» человек перешел к научному познанию и дальше усовершенствовал языковые и технические средства.

На сегодняшний день наука частично отвергла эволюционный подход к истории. Считается, что многие культурные элементы были привнесены в ту или иную культуру путем диффузии (т.е. трансфера). Кроме того, существует мнение, что прошлое «цивилизации» нельзя отождествлять с современным бытом и культурой так называемых «дикарей». Надо заметить, что ученые из разных областей науки продолжают использовать в своих исследованиях пережиточные культурные формы и обращают на них пристальное внимание. Это заставляет нас вернуться к данной теме, несмотря на то что она практически не разрабатывалась в течение XX и в начале XXI в.

Определенная работа, направленная на развитие темы пережиточных культурных форм (не считая критики), была осуществлена антропологами и культурологами конца XIX и начала XX в. – Францем Боасом, Уильямом Риверсом, Робертом Лоуи, Альфредом Хэддоном, Робертом Мареттом и Эндрю Лэнгом.

Уточняя суждения о пережиточных формах, высказанные Тайлором, эти авторы пришли к общему выводу, что определение, данное им, слишком размыто и на самом деле включает в себя сразу два класса не совпадающих друг с другом феноменов. Дело в том, что термин «пережиток» как в русском, так и в английском языке (*survival*) указывает на нечто, что смогло пережить свое время, но вовсе не является естественной частью (см. определение выше) времени, в котором оно существует вторично. Все эти формы «ослаблены, разрушены и, насколько это касается народа, бессмысленны» [Haddon, 1921, p. 22]. Тем не менее они служат определенной цели, но «все же не могут быть объяснены их нынешней полезностью» [Rivers, 1913, p. 295]. Пережиток «становится изолированным от своего органического контекста и может быть понят только после того, как будет восстановлен на своем надлежащем месте» [Lowie, 1918, p. 529]. Таким образом, «эти окаменелости обрядов, идей и верований абсолютно несовместимы с окружающей моралью, философией и наукой» [Lang, 1897, p. viii]. Старинные обычаи, гармонизировавшие с известным типом окружающей среды, «обнаруживают тенденцию сохраняться при новых условиях, при которых они скорее невыгодны, чем выгодны народу» [Боас,

2018, с. 90]. Эти «выжившие» элементы культуры «как бы не в состоянии и не желают поддерживать темп остальных» [Marett, 1936, p. 25–26].

Роберт Маретт также предложил новый термин для полезных пережиточных форм: вместо «выживания» здесь уместнее говорить о «возрождении» (revival). В научной литературе при схожем контексте нередко употребляется слово «рецидив».

Советские ученые, в свою очередь, тоже внесли некоторый вклад в развитие данной темы. В статье 1982 г. [Першиц, 1982] Абрам Исаакович Першиц описал собственную классификацию остаточных (вторичных) форм, состоящую из трех типов: во-первых, это непосредственно «пережитки» (бесполезные «реликты»); во-вторых, видоизмененные формы (или «дериваты»); и, наконец, формы, сохраняющие свой неизменный вид в любом историческом выражении («реституты»).

Постановка проблемы

В соответствии с научными идеалами XIX в. Тайлор отдает предпочтение индуктивно-эмпирическим методам исследования. Чтобы сформулировать свое определение «пережитка», он собирает данные о множестве культурных явлений, пользуясь как наблюдаемыми им самим, так и косвенными фактами, которые были извлечены из исторических сочинений. Однако Тайлор значительно исказил это определение, поскольку так и не решился классифицировать известные ему сведения о пережиточных формах (некоторые невнятные попытки можно оставить без внимания). Более поздние классификации (см. Введение) также нельзя назвать полными. После приведения всех данных в общую систему мы, возможно, уточним границы означенных выше понятий. В любом случае классификация является важнейшей частью индуктивного познания и ценна сама по себе, независимо от полученных корректировок.

Решение проблемы

Первый тип пережиточных форм, который будет здесь описан, указывает на действие привычки и отторжение новых технологий, ко-

торые нередко свойственны пожилым людям. «В графстве Сомерсет я знал женщину, ткацкий станок которой относится ко времени, предшествовавшему введению подвижного челнока. Я видел, как она перебрасывала свой челнок из одной руки в другую» [Тэйлор, 2009 а, с. 50]. Еще одно упоминание (вместо удобной мотыги пожилые возделыватели земли используют примитивный хак): «Традиция Южной Швеции указывает на пустые участки некогда возделанной земли в лесах и дебрях, которые были полями старых “хакеров”, и в течение одного поколения на лесных фермах все еще можно было увидеть сам “хак”, сделанный из ели-пихты, с толстой выступающей веткой на нижнем конце, коротко обрезанной и заостренной» [Tylor, 1881, p. 76]. Формы такого типа я предлагаю называть «сеньными» (медицинский термин; т.е. старческий, относящий к старости).

В своих работах Тайлор исследовал анимистические и религиозные верования, которые, единожды возникнув у «примитивных» народностей, передавались из поколения в поколение и сохранились до наших дней. Так, в древности люди верили, что душа может покидать тело, пока человек спит или находится без сознания. Для большинства «цивилизованных» людей (и в XIX, и в XXI в.) подобные представления уже не имеют никакой ценности, однако мы еще можем наблюдать их следы в «таких выражениях, как “быть вне себя”, “быть в экстазе”, и тот, кто говорит, что его душа стремится навстречу другу, придает, быть может, этой фразе более глубокое значение, чем смысл простой метафоры» [Тэйлор, 2009 а, с. 26]. Этимология некоторой части вполне современных английских слов содержит в себе пережиток прежней картины мира. Например, слово *woodmare* (т.е. эхо) прямо указывает на лесную нифму, которая, как верили древние, откликается в звуке эхо. Другой пример сохранения религиозных представлений в языке – обозначения дней недели: так, англичане посвятили четверг богу Тору (*Thursday*). Устойчивость географических топонимов свидетельствует о существовании предшествующих культурных стадий, даже в том случае, если речь идет о завоевании одним народом другого. Далее выскажемся о языке тела. Мимика, по здравому размышлению, появилась раньше, чем вербальный язык. Сегодня, добавляя к нашей речи мимические движения, не столь обязательные, как кажется, мы моделируем язык тела самых древних предков человека (не говоря уже о животных). Таким образом, с учетом

той функциональной роли, которую здесь играет язык, данные пережиточные формы было бы уместно называть «лингвистическими».

Вместе с тем реликты анимистических верований можно найти не только в языке. Многие из них имеют непреходящую ценность для некоторого числа людей, которым с детства прививали совершенно иные воззрения (светские или христианские). Так, почти забытый обычай, в соответствии с которым вслед за телом умершего погребению также подлежат его родственники, слуги и домашние животные, поддерживается в Англии (пусть и в усеченном виде): «эта трогательная церемония с участием лошади в похоронной процессии солдат, — пишет Тайлор, — представляет последний остаток древнего жертвоприношения» [Тайлор, 2019, с. 258]. Кроме того, по сведениям английского ученого, жители деревень продолжают снабжать мертвеца разнообразной погребальной утварью, которая окажется весьма кстати (по их мнению) при посещении загробного мира. А в Горной Шотландии, где можно отыскать немало каменных изваяний на могилах, до сих пор практикуют похоронные процессии с обсыпкой камнями в местах остановки. Китайцы сжигают своих мертвых сородичей, добавляя в огонь бумажные деньги, одежду и подарки (здесь, как и ранее, речь идет о XIX в.). Однако воспроизводятся не только погребальные, но и иные ритуалы. Для нас очевидно, что магия очень распространена среди «дикарей» и даже среди «варварских» народов (к ним, как правило, относят древних греков, римлян, индусов). Тем не менее, как передает Тайлор, его современники продолжают пользоваться магией: «...деревенские люди все еще делают сердце и втыкают в него булавки, чтобы ранить какого-нибудь человека, с которым они предпочитают его ассоциировать» [Tylor, 1867 а, р. 312–313].

Если описанные выше примеры выживания культурных форм относились прежде всего к «цивилизованным» народам, следующий случай показывает, что «варварские» обычаи также могли наследовать более ранние образцы. «Когда индуистский брахман, совершая жертвоприношение, должен забыть о своем кремне и стали и вернуться к простому деревянному огневому сверлу для добывания огня трением, один Брахман дергает за шнурок взад и вперед, а другой стоит с трутом, чтобы поймать священную искру, он верит, что продолжает делать это для получения чистого и святого огня; но мы видим, что это грубое старое примитивное искусство, давно забытое в практической

жизни, но сохраненное для церемониального использования» [Tylor, 1869, p. 523].

Одержимость ритуалами также характерна и для современных спиритуалистов (колдунов, магов, ясновидящих, целителей и др.). Широко известны медиумические сеансы (в том числе и в наши дни), где спиритуалисты инсценируют (?) общение с духами, феномены автописма и гадания. «Дикарь» сразу бы признал эти явления, «поскольку такие вещи являются частью его признанной системы природы; единственная часть дела вне его компетенции было бы искусство письма, которое действительно принадлежит к более высокому уровню цивилизации, чем его» [Tylor, 1869, p. 528]. Не остаются без внимания современности и медицинские ритуалы. Духа болезни можно заклясть так, чтобы он оказался заключенным в некий предмет-фетиш (куклу, веревку, кусок одежды), который впоследствии хранится шаманом или вывешивается на кроне священного дерева. Если верить Тайлору, подобные способы излечения больных практиковались и в его время. К той же категории следует отнести попытки изгнания духов, с которыми ассоциируется болезнь, путем экзорцизма. Далее стоит упомянуть о связи карточных игр и бросания костей с обрядами гадания. Это «ритуальные» пережиточные формы.

В родстве с предыдущим типом культурных пережитков находится тип, который можно обозначить как «церемониальный». Вот что пишет Тайлор о вырождении (и одновременно выживании) королевской охоты на оленя: она «превратилась в простую придворную церемонию с ее кавалькадами и высшими государственными сановниками в их великолепных мундирах» [Тэйлор, 2009 а, с. 212].

Нельзя пройти мимо и непосредственного воспроизводства анимистических верований (которые не опосредуются ритуалами). Современный человек продолжает верить в привидения, или, иными словами, в существование души вне тела. Эти представления в некоторых случаях полностью соответствуют своим историческим прецедентам, а в других – незначительно видоизменены. «Когда мы встречаемся с представлениями о привидениях у более цивилизованных людей, кажется, что они придерживаются теории, унаследованной от полного анимизма низших рас, но его последовательность сильно пострадала из-за вмешательства лучшего знания фактов. Когда появился призрак отца Гамлета, он надел свою бобровую шапку. “Какой бобр?”.

Европейцу, верящему в привидения, показалось бы глупым говорить о призраке шлема; но для североамериканского индейца вполне разумно, что шлем должен иметь призрака, а также воина, который надевает его на свою призрачную голову. Мнение европейского провидца призраков, без сомнения, более научное, тем сильнее влияет знание фактов природы; но более широкий спиритуализм дикаря более полон, более последователен, потому что, как есть много оснований думать, он ближе к своему источнику» [Tylor, 1867 b, p. 89].

Для древнего человека весь мир был одушевленным. В поэзии и фантастических литературных произведениях и по сей день можно встретить анимистические метафоры и мифологические сюжеты с участием персонажей религий анимизма. Далее перейдем к христианской религии. Она делает некоторые послабления для тех, кто хочет проводить своих родственников в последний путь. На могилах раскладываются цветы и съестные подношения (печенье, конфеты), в церквях загораются свечи за упокой души. Наиболее архаично среди этих почти отживших свое привычек выглядит обыкновение оставлять еду на столе или в углах комнат для умерших членов семьи, чтобы те могли насытиться и не беспокоить родичей. Исходя из сказанного, все перечисленные выше примеры пережиточных форм следует отнести к «анимистической» категории.

Не связанные прямо с ритуалами и верованиями пережитки можно было бы назвать «симптомальными», так как они представляют собой сохранившиеся от предыдущих исторических стадий суеверия и поиск всевозможных «знаков», указывающих на те или иные будущие события. Так, народное предубеждение против браков в мае живет и в настоящее время (вспомним русское поверие: «в мае жениться – всю жизнь маяться»). Этот и множество других фактов суеверий собраны и описаны Тайлором в его работах.

Выше отмечалось, что христианство снисходительно относится к некоторым проявлениям языческого мировоззрения. Пост и причастие сохраняют элементы старых ритуалов, о вреде которых ни миряне, ни священнослужители, как правило, не задумываются. Вера в святых и творимые ими чудеса также воспринимается как должное. Вместе с тем не только христианство, но и другие семитские религии (иудаизм, ислам) и отчасти буддизм прикладывают немало усилий для того, чтобы искоренить следы языческих культов. Под ударом оказываются

фетишизм, идолопоклонство, обожествление природы, т.е. именно то, что Тайлор назвал «анимистическими верованиями». Причем секты и недавно обращенные страны (например, африканские) гораздо более смиренны по отношению к языческим символам и обрядам. Однако эти формы никак нельзя признать естественными для христиан. В случае если последние критически относятся к такого рода религиозным отправлениям, мы имеем дело с «конфронтационными» пережитками. В противном случае – «двоеверческими».

Напоследок упомянем о схожем явлении другого порядка, а именно – о взаимодействии между наукой и так называемыми донаучными верованиями, которые сегодня предстают в виде «лженауки». Лженаука (астрология, теология и пр.) строго осуждается академическим сообществом. Однако здесь есть и примеры «двоеверия». Нередко в научных сочинениях можно встретить факты одушевления природы, судьбы, закона. «Они, – как пишет Тайлор, – и сейчас еще мыслятся как реальные существа, чья жизнь и положение в мире являются своего рода тенью жизни и места человека» [Tylor, 1866, p. 84].

Следующий тип пережиточных форм можно было бы отнести к «двоеверческому» или «конфронтационному», если бы он был связан с верой или мировоззрением. В отличие от предыдущих типов культурных пережитков, для полноценного анализа здесь необходимо привлечь более широкий контекст. Если ранее мы рассматривали пережиток в призме его прошлого и настоящего, то в этом случае мы обязаны также учитывать его будущее развитие. Исходя из этого, данный тип необходимо назвать «бифуркационным». И везде, где мы имеем переходную форму при определенном векторе развития, можно говорить об этом типе. Приведем пример. Кельты (цельты) конца каменного и начала бронзового века, найденные в Европе, были достаточно искусным орудием. С одной стороны кельт был заострен, с другой – зашлифован. Палеолитические европейцы, разумеется, не знали технологию шлифовки, но уже определенным образом обрабатывали свои голыши (неизвестно, как их использовали – с древком или без), чтобы одна из сторон оставалась гладкой. Если допустить альтернативное развитие человеческой истории, где человек не продвинулся далее эпохи палеолита, такая технология могла бы стать вершиной его творчества.

Древние загадки и пословицы никогда (вплоть до сегодняшнего дня) не служили человеку забавой. Еще «на уровне европейской средневековой культуры они играли очень важную роль в воспитании народа» [Тэйлор, 2009 а, с. 118]. В отсутствие философской мудрости народ использовал эту информацию для ориентации в мире. Далее, если вспомнить знаменитую загадку Сфинкса, решенную Эдипом (согласно древнегреческому мифу), можно сделать вывод, что подобные загадки были частью обрядов инициации, где, помимо прочего, молодежь получала знания об окружающем ее космосе. Это «гностический» (от *гнозис* – знание) тип пережиточных форм.

Продолжая сказанное выше, надо отметить (вслед за Тайлором), что современные загадки больше рассчитаны на ребенка, чем на взрослого человека (в том числе иницируемого). Другие факты показывают, что древние мифы, потерявшие свое значение сегодня, сохраняются в детских сказках. Кроме того, разнообразные игры, в которые играют наши дети, копируют архаичные обряды. Это напоминает биологический принцип «рекапитуляции» или «биогенетический закон», сформулированный в начале – середине XIX в. учеными-эволюционистами. Все пережиточные формы, относящиеся к этому классу, было бы правильно обозначить как «инфантные».

Некоторые жесты, которыми пользуются животные в своих социальных взаимодействиях, имеют аналоги в привычках человека. Испытывая страх и бессилие перед более статусной особью, животное приседает или сжимается. Схожий инстинкт мы можем обнаружить у нашего вида, однако он выражает скорее почтение, чем страх (или, лучше сказать, страх вперемешку с почтением). Подобные пережиточные формы, указывающие на дочеловеческую культуру, было бы вполне уместно назвать «анимальными».

Далее необходимо сказать о жестах, которыми животные никогда не пользуются, и вся их история связана только с человеком. Так, интересный кейс представляет жест почтения, заключающийся в обнажении головы. В те времена, когда еще носились воинские доспехи, это не было просто красивым знаком. «Снять шлем значило то же самое, что обезоружить, и выражало в большинстве случаев или покорность, или мир» [Тайлор, 1868, с. 63]. Таковы «жестуальные» пережиточные формы.

С техникой человек познакомился давно. Уже 2 млн лет назад Homo habilis имел в своем распоряжении несколько примитивных видов орудий труда. Сегодня принято выделять три технологических периода в истории человечества: каменный век; бронзовый век; железный век (иногда к ним также добавляется «медный век»). В этой периодизации трудно найти место «деревянному веку». Очевидно, что деревянные орудия появились одновременно (если не раньше) с орудиями каменными, и, что самое интересное, они продолжают использоваться даже на поздних этапах развития железного века. Случай употребления булавы еще в Средние века, а также множество других подобных случаев упоминаются Тайлором в его трудах. Предпочтительно называть такие пережиточные формы «орудийными».

Та же булава, после исторической стадии активного пользования, предстает перед нами в виде многозначительного символа. Ее, по сведениям Тайлора, «носят как эмблему королевской власти и кладут на стол во время заседания парламента или королевского ученого общества» [Тэйлор, 2009 а, с. 187]. Подобные пережиточные формы, по моему мнению, следует назвать «символическими».

Кроме того, иногда мы наблюдаем не только применение архаичных орудий труда, но и трансформацию технологического способа этого применения. Так, ныне полностью забытое копьё, которым уже не пользуются современные армии, обрело вторую жизнь в медицине. Пройдя через длинный путь формообразования, оно стало «ланцетом» (от лат. *lansea* – копьё, пика). Однако есть и менее радикальные примеры технических новаций. Средневековые и современные ружья, по мнению Тайлора (и это трудно оспорить), произошли от одного общего предка – выдувательной трубки. Даже после изобретения пороха солдаты продолжали использовать выдувание для выталкивания снаряда из ствола, что смотрелось довольно несовременно, учитывая более продвинутый метод – прикладывание к запалу раскаленного угля или фитиля (позже этот процесс был механизирован). Здесь мы, таким образом, отмечаем сохранение технологии при видоизменении орудия. Далее интересно отметить особые условия использования технических средств после внедрения более сложной технологии. Например, аборигенное население Гебридских островов XIX в. продолжало использовать свои примитивные хижины, выстроенные путем кладки необработанного камня, только в летний сезон (весьма вероятно, что

на данный момент ни одного такого жилища уже не осталось). Этот тип пережиточных форм я обобщенно назову «технологическим».

В древности у человека не было разнообразных инструментов для выполнения тех или иных задач. Охота, рыбалка и война велись с помощью одних и тех же орудий. Однако высокотехнологичное оружие редко используется для частных целей. Поэтому на средневековой охоте можно было увидеть лук, на охоте XIX в. – арбалет, а в наши дни – дульнозарядное ружье (а также и лук, и арбалет). Таким образом, здесь перед нами архаичный элемент культуры, который переходит из одной исторической эпохи в другую, но уже в дисфункциональном виде. Это «компульсивно-импульсный» тип пережиточных культурных форм.

Представления человека о красоте нередко значительно варьируются от расы к расе и от одной эпохи к другой. То, что мы считаем красивым и эстетичным, представитель другой расы и другой исторической эпохи, возможно, сочтет уродством. Поэтому не стоит удивляться странной для нас привычке деформировать черепа маленьких детей с целью придания им разнообразных форм. Однако, по сведениям Тайлора, такая привычка сохраняется и у современных европейцев.

Теперь скажем о другом схожем случае. Траурные церемонии «дикарей» и «варваров» могут растягиваться на длительное время и вынуждают их окрашивать себя белыми и красными красками. Как и все украшения (а также татуировки) этих народностей, они выполняют сразу две функции – эстетическую и защитную. В наши дни подобный макияж свойственен актерам некоторых театральных и цирковых представлений, но, очевидно, защитная функция здесь выпадает. Эти пережиточные формы можно назвать «эстетическими». Пение, музыка и танцы также относятся к роду эстетики. Припевы в песенном искусстве «дикарей» нередко лишены смысла. В них повторяются по несколько раз бессмысленные слоги (вроде «абанг-абанг!»). Тайлор отмечает ту же тенденцию в современной ему пении. Далее о танцах. В древности они имели прочную семантическую связь с религией. «Остатки подобных обрядов, – пишет Тайлор, – можно еще видеть в плясе девочек и мальчиков вокруг огней, зажигаемых в Иванову ночь или в танцах ряженных на Святках» [Тэйлор, 2009 а, с. 306].

Следующий тип пережитков (назовем его условно «сциентифическим») показывает определенную зависимость современных научных

дисциплин по отношению к древним знаниям и привычкам. Так, наше десятиричное и двадцатеричное счисление (а также римское пятеричное) произошло от примитивного счета по пальцам рук и ног. В своих работах Тайлор прочерчивает линии эволюции от самых зачаточных культурных форм к развитым. По его мнению, древнегреческая (древнеегипетская, древневавилонская) наука сильно уступала даже науке Нового времени. Этот исторический процесс оказался фатальным для многих достижений классической науки. Частично сохранились лишь малозначимые элементы. Например, в современной медицине до сих пор использую термин «диагноз», введенный греческим медиком Галеном.

Последний тип пережиточных форм – «юридический». Правовые установления не менее, чем другие феномены культуры, имеют тенденцию к перерождению в новых культурных системах. Часть таких установлений видимым образом «задерживает» развитие общества и тянет его к историческим корням. Приведем несколько подходящих примеров. Континентальная глобализация в Европе XIX в. не была чем-то новым, поскольку интенция к объединению сопровождала всему Модерну, начиная с конца Средних веков. Как и сейчас, она сочетается с открыто декларируемым пацифизмом. По этой причине Тайлор считает, что сегодня среди новой цивилизации «только объявление войны может все еще возвращать общество к ранней ступени грабежа и призовых денег» [Тайлор, 2019, с. 302]. Другим приобретением «новой цивилизации» является внедрение актов и законов, которые ограничивают королевскую власть. В химере парламентской и конституционной монархии (в Англии и других европейских странах) Тайлор видит очевидный пережиток ничем не сдерживаемого произвола одной личности.

Резюме

Таким образом, мною было выделено 20 типов пережиточных культурных форм: 1) юридический; 2) сциентифический; 3) эстетический; 4) компульсивно-импульсный; 5) технологический; 6) орудийный; 7) символический; 8) анимальный; 9) жестуальный; 10) инфантный; 11) гностический; 12) бифуркационный; 13) двоeverческий; 14) конфронтационный; 15) симптомальный; 16) анимистический;

17) ритуальный; 18) церемониальный; 19) лингвистический; 20) сенильный. Некоторые пережитки можно отнести сразу к нескольким типам, что видно из их характеристик (например, сциентифические – к лингвистическим, или эстетические – к ритуальным и т.д.). Все описания остаточных явлений, представленные в этой статье, принадлежат Тайлору. Я позволил себе несколько дополнить их лишь в трех случаях: когда говорил о компульсивно-импульсных пережитках (применение арбалета и лука вместе с дульнозарядными ружьями на охоте), а также о двоеверческом и конфронтационном типе (упоминание недавно обращенных в христианство стран и религиозной нетерпимости буддизма). Предложенная здесь классификация никак не уточняет определение пережиточной формы, которое было выработано в результате корректировки определения Э. Тайлора в конце XIX – начале XX в.

Заключение

Объем исследований, посвященных (прямо или косвенно) культурным пережиткам, указывает на необходимость построения полноценной теории, где были бы учтены все особенности формирования и выживания этих форм при переходе из одной системы социокультурных феноменов в другую. Первая и главная задача – установить социальные и психические основания этого процесса. Некоторые зачатки такой теории уже представлены в сочинениях Тайлора и его последователей. Не менее важно рассмотреть методику исключения пережиточных форм, которые не могут быть названы таковыми. В ходе работы над статьей я столкнулся с этой проблемой. По ее итогам я сделал следующие выводы: однозначно должны быть исключены все описания пережиточных форм, где невозможно или затруднительно восстановить историческую хронологию событий; те случаи, когда налицо не выживание элемента, а его диффузия; а также те случаи, когда остается под вопросом преемственность двух социокультурных систем (их параллелизм свидетельствует о диффузии элемента или о его независимом открытии).

Список литературы

- Боас Фр. Ум первобытного человека. – Москва : URSS, 2018. – 154 с.
- Першиц А.И. Остаточные явления в культуре // Природа. – 1982. – № 2. – С. 92–100.
- Тэйлор Э.Б. Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации. – Москва : URSS, 2019. – 328 с.
- Тэйлор Э.Б. Доисторический быт человечества и начало цивилизации. – Москва : Д.И. Преснов, 1868. – 508 с.
- Тэйлор Э. Первобытная культура : в 2 кн. – Москва : ТЕППА – Книжный клуб, 2009 а. – Кн 1. – 464 с.
- Тэйлор Э. Первобытная культура : в 2 кн. – Москва : ТЕППА – Книжный клуб, 2009 б. – Кн. 2. – 496 с.
- Haddon A.C. The practical value of ethnology. – London : WATTS & CO, 1921. – 66 p.
- Lang A. Modern mythology. – London : LONGMANS, GREEN, AND CO, 1897. – xxiv, 1 l, 212 p.
- Lowie R.H. Survivals and historical method // The American Journal of Sociology. – 1918. – Vol. 1. – P. 529–535.
- Marett T.T. Modern sociologists. Tylor. – London : CHAPMAN AND HALL, 1936. – 220 p.
- Rivers W.H.R. Survival in sociology // The sociological review. – 1913. – Vol. 4. – P. 283–305.
- Tylor E.B. Phenomena of the Higher Civilisation: Traceable to a Rudimental Origin among Savage Tribes // Anthropological review. – 1867 a. – Vol. 5. – P. 303–314.
- Tylor E.B. On the Origin of the Plough, and Wheel-Carriage // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1881. – Vol. 10. – P. 74–84.
- Tylor E.B. On the Survival of Savage Thought in Modern Civilization // Notice of the Proceedings at the meetings of the Royal Institution of Great Britain. – 1869. – April 23. – P. 522–535.
- Tylor E.B. On Traces of the Early Mental Condition of Man // Notices of the Proceedings at the meetings of the Royal Institution of the Great Britain. – 1867 b. – March 15. – P. 83–93.
- Tylor E.B. The religions of savages // The Fortnightly Review. – 1866. – Vol. 6. – P. 71–86.

References

- Boas, Fr. *Um pervobytnogo cheloveka* [The Mind of Primitive Man]. Moscow., URSS Publ., 2018. 154 p. (In Russ.)
- Pershic, A.I. *Ostatochnye yavleniya v kul'ture* [Ostatochnye yavleniya v culture]. In *Priroda*, no. 2, 1982, pp. 92–100. (In Russ.)

Tajlor, E.B. *Antropologiya. Vvedenie k izucheniyu cheloveka i civilizacii* [Anthropology. An introduction to the study of man and civilization]. Moscow, URSS Publ., 2019. 328 p. (In Russ.)

Tajlor, E.B. *Doistoricheskij byt chelovechestva i nachalo civilizacii* [Researches into the Early History of Mankind and the Development of Civilization]. Moscow, D.I. Presnov Publ., 1868. 508 p. (In Russ.)

Tejlor, E. *Pervobytnaya kul'tura: v 2 kn.* [Primitive culture in 2 vols]. Book 1. Moscow, TERRA – Knizhnyj klub Publ., 2009 a. 464 p. (In Russ.)

Tejlor, E. *Pervobytnaya kul'tura: v 2 kn.* [[Primitive culture in 2 vols]. Book 2. Moscow, TERRA – Knizhnyj klub Publ., 2009 b. 496 p. (In Russ.)

Haddon, A.C. *The practical value of ethnology*. London, WATTS & CO Publ., 1921. 66 p.

Lang, A. *Modern mythology*. London, LONGMANS, GREEN, AND CO Publ., 1897. 212 p.

Lowie R.H. Survivals and historical method. In *The American Journal of Sociology*, Vol. 1, 1918, pp. 529–535.

Marett T.T. *Modern sociologists*. Tylor. London, CHAPMAN AND HALL Publ., 1936. 220 p.

Rivers, W.H.R. Survival in sociology. In *The sociological review*, Vol. 4, 1913, pp. 283–305.

Tylor, E.B. Phenomena of the Higher Civilisation: Traceable to a Rudimental Origin among Savage Tribes. In *Anthropological Review*, Vol. 5, 1867 a, pp. 303–314.

Tylor, E.B. On the Origin of the Plough, and Wheel-Carriage. In *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, Vol. 10, 1881, pp. 74–84.

Tylor, E.B. On the Survival of Savage Thought in Modern Civilization/ In *Notice of the Proceedings at the meetings of the Royal Institution of Great Britain*, April 23, 1869, pp. 522–535.

Tylor, E.B. On Traces of the Early Mental Condition of Man/ In *Notices of the Proceedings at the meetings of the Royal Institution of the Great Britain*, March 15, 1867 b, pp. 83–93.

Tylor, E.B. The religions of savages. In *The Fortnightly Review*, Vol. 6, 1866, pp. 71–86.